

Р. Гергилов

ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: КОНЦЕПЦИЯ ГЕОРГА ГУРВИЧА

В статье описывается концепция права как формы социального контроля Георга Д. Гурвича (1894–1965). Его трактовка сравнивается с концепциями американских социологов: Э. Росса, Р. Паунда и Т. Парсонса. Базисным элементом общества в его понимании является не индивид, а социальное единство, продуцирующее свои собственные, присущие лишь ему формы социального контроля.

Вслед за своим петербургским учителем Л. Петражицким Георг Гурвич определяет право как попытку реализовать в каком-то данном социальном контексте идею правосудия и справедливости через многостороннюю «атрибутивно-императивную регуляцию», одним из важнейших элементов которой является социальный контроль. Понятие «социальный контроль» он трактует в контексте функционального подхода к праву. Подобно немецкому социологу Г. Шельски, ссылавшемуся в этой связи на него, Гурвич усматривает специфическую функцию права в социальном контроле или «регулировании социальной системы» (Schelsky 1980: 107). Он считает, что в качестве особой формы социальной интеграции право следует отличать от других форм социального контроля, таких, как религия, знание и воспитание (Gurvitch 1945: 291). Полемизируя с классическими социально-правовыми теориями, в целях более точной экспликации социальных и, в особенности, правовых механизмов контроля, Гурвич очерчивает свою позицию, прежде всего, по отношению к двум подходам (Ibid: 109, 114).

В первом речь идет о введенном американским социологом Э.А. Россом различии между «естественным порядком» и «социальным порядком», связанном с гипотезой о том, что различные, созданные в рамках культуры, механизмы контроля являются продуктом более позднего эволюционного развития. Гурвич напротив, утверждает, что феномен нормативной координации социальных процессов не является структурной особенностью лишь современных общественных форм, а, учитывая магию, религию и мораль, был имманентной составной частью архаичных обществ (Ibid: 119). Социально-теоретическим фоном у Росса является связанная с традицией социальной философии Гоббса гипотеза о том, что создание того или иного социального порядка возможно лишь с помощью более позднего введения определенных регуляторов поведения. В то время как традиционные общества имели в своем распоряжении псевдоестественные регуляторы поведения, возрастающее усложнение современных обществ требует инструментального введения различных контрольных

инстанций (Ross 1969: 4). Тем самым, у Росса антропологически, с указанием на внесоциальные условия, трактуется и объясняется не только генезис и функции нормативных феноменов, но и сами структурно-социальные порядки в целом ставятся в зависимость от существования возникших позднее нейтрализующих конфликты механизмов. Недостатком этой нормативной концепции является то, что она не способна показать социальные условия создания определенного нормативно структурированного порядка. Она объявляет эти условия априорными предпосылками социальности, что приводит как к экстернализации, так и к трансцендированию из процессов деятельности их структурных особенностей (Gurvitch 1945: 286). Напротив, Гурвич считает, что социальный контроль нельзя считать ни «опорой порядка», ни неким «призывом к порядку изолированных индивидов», ни «средством привязки этих индивидов к обществу». У него речь идет, в первую очередь, о «части социальной реальности», постоянно генерирующейся социальными процессами и, в то же время, регулирующей саму эту деятельность (Gurvitch 1974a: 19). Несмотря на особую важность основанной Россом «социологической юриспруденции» для развития прагматичного, основанного на опыте функционального правового мышления, нашедшего отклик и у Гурвича, его концепция социального контроля посредством права имеет некоторые недостатки. Это касается, прежде всего, своего рода вторичной и в то же время как бы зарезервированной для случаев патологии функции социального регулирования.

Второй подход предлагает Р. Паунд, который, ссылаясь на Иеринга, исходит из того, что в основе права лежат, в первую очередь, неформально созданные констелляции интересов, которые затем, с помощью правового регулирования, стандартизируются и становятся для акторов просчитываемыми (Pound 1968: 25). В то же время, он считает, что генезис правового регулирования имеет место в «политически организованном обществе» лишь посредством авторитетного разрешения конфликтов интересов с помощью государственных инстанций, т. е., неформальная правовая деятельность исчерпывается лишь учетом ее при принятии решений на уровне государства (Pound 1945: 300). По этому поводу Гурвич критически замечает, что Паунд полон «веры в необходимое и априорное преимущество государства в сравнении с иными группами» и идентифицирует «правовой порядок» с «государственным» (Gurvitch 1974a: 129).

Здесь Гурвич сплавляет воедино соответствующие контрольные или структурные феномены как генетически, так и в соответствии с их регулирующей функцией, с различными социальными процессами. Это происходит посредством того, что социальный контроль он рассматривает как структурный феномен, имманентный процессу человеческой деятельности. Таким образом, различные взаимосвязи деятельности или социальные системы сами по себе являются носителями социального контроля, функции которого, в свою очередь, выполняются в соответствии с выработанным ими самими ориентирующими моделями. Эти модели, со своей стороны, могут состоять из различных форм контроля («forms of social control») Ввиду того, что различные социальные контексты разрабатывают свои собственные контрольные механизмы, налицо «сложный плюрализм» различных носителей и форм социального контроля (Gurvitch 1945: 288). Разделяя эти «носители» на фактически оперирующие системы и на нормативные формы контроля, к которым относятся право, мораль и педагогика, Гурвич, тем не менее, не поляризует их. При различных формах контроля речь идет как раз, не о «трансцендентных и изолированных сущностях», извне нормативно конструирующих социальную систему. Более того, эти механизмы находятся в постоянной «билатерально функционирующей связи с общественной жизнью» (Ibid: 289). Здесь речь идет о том, чтобы на основании названного различия установить, что подобные социальные системы, в зависимости от процессов, происходящих в них, избирают различные виды нормативности, т. е. придают своим действиям соответственно моральный или

правовой коды (Gurvitch 1974a: 20). Кроме того, считает Гурвич, сама социальная система обладает специфическим модусом саморегулирования и избирает или правовые, или иные структурные формы и осуществляет соответствующую ситуации нормативность своей деятельности. «Носители социального контроля... порождают виды социального контроля, необходимые им и контролируемые ими, и служат активным центром их манифестации. Говоря в общем, каждый носитель социального контроля, в принципе, может производить и применять разные виды и формы социального контроля... Последние имеют сугубо практические функции» (Gurvitch 1945: 294). Тем самым, для Гурвича, право своими контрольными функциями создает особую форму регулирования социальных контекстов, самовоспроизводящуюся и осуществляющую специфически системную координацию действий. Ввиду того, что право генерируется в эмерджентных социальных взаимодействиях, оно находится в неразрывной связи с надындивидуальными процессами, смылосодержание которых более невозможно определить лишь психологически или социально-психологически. Оно осуществляет свою нормативную функцию исключительно в рамках социальной деятельности.

Тем самым социальная теория Гурвича отличается от системно-теоретических позиций, связывающих феномен социального контроля больше с деятельностью отдельного индивида. Не вдаваясь в детальную реконструкцию социологической концепции Т. Парсонса, следует все же указать на волюнтаристский характер его теории действия, в соответствии с которой нормативные структурные и контрольные феномены представлены в виде «результатов» произвольно трактуемой деятельности индивида. В основе такого подхода лежит дуалистически трактуемая концепция деятельности, в соответствии с которой социальные действия имеют место в рамках отношений напряженности между определенными, имеющимися в распоряжении действующего индивида условиями, с одной стороны, и нормативными поведенческими требованиями социальной среды, в которой он находится — с другой (Parsons 1964: 82). Социальная деятельность осуществляется, по Парсонсу, при условиях, вытекающих из индивидуальных целей действий и ситуаций, в рамках которых опять же, аналитически проводится различие между ситуативно возможными средствами деятельности, данными социальными условиями и вытекающими отсюда правилами выбора, в соответствии с которыми устанавливается соотносительность целей со средствами их достижения (Ibid: 77). Тем самым Парсонс описывает нормативную модальность действий с позиции актора, а именно как калькулируемое направление собственных деятельностных актов, связанных с достижением своих индивидуальных целей и с внешними нормативными ограничениями. Поэтому нормативная интеграция основана на волевой ориентации индивидуальной деятельности на установленные нормы и на соответствующий выбор собственных действий (Ibid: 75).

Важно отметить, что коллективные поведенческие предписания в концепции Парсонса хотя и исключены, но как априорные условия какой-либо адекватной ситуации деятельности предполагаются для учета последствий этой деятельности (Parsons 1978: 55). Внешние актору условия деятельности трактуются «ранним» Парсонсом как составная часть «единичного акта». Эти условия включают в себя соотношение индивидуального выбора вида действий с поведенческими требованиями. С антииндивидуалистической точки зрения Гурвича некорректно связывать действия и их нормативность с индивидуальными видами деятельности, т. к. они конституируются сначала лишь в рамках эмерджентных смысловых соотношений.

В более поздних работах Парсонса эти рамки, в принципе, остаются неизменными, причем дуальная концепция единичного акта постепенно превращается в общую, комбинирующую индивидуальную и социальную компоненты деятельности систему (Parsons 1959: 14). С помощью общей системы действий Парсонс характеризует любую социальную ситуацию как

четырёхуровневое деятельностное пространство, в котором участвующая в создании социального порядка личность, ее психологический базис, интерактивная ситуация и ее нормативный стандарт, соответственно, помещены в аналитически дифференцируемые и взаимозависимые подсистемы (Ibid: 276). Он отмечает, что эмерджентность социального порядка имеет место в том случае, если между подсистемами существуют различные отношения обмена или интерпретации (Parsons 1964: 305), участвующие в институционализации их поведенческих стандартов и интернализации последних каждым действующим индивидом. Описывая право с учетом его функций, а именно с учетом социально генерализованного эмерджентным уровнем социального порядка, Парсонс вновь ставит вопрос о структурировании единичного действия, т. е. о соответствующей определенному актору перспективе. Это является, по его мнению, делом калькуляции индивидуальных действий, в ходе которых актер свое «потребностное предрасположение» связывает с реакцией других, актуальной ситуацией и общепринятыми культурными ценностями. В рамках созданной Парсонсом интеграционной конструкции, связывающей волюнтаризм и системность, интенционально действующий актер приобретает черты четко отлаженной мотивированной машины, избирательно соотносящей соответствующие индивидуальные потребности с фрагментами той или иной ситуации (Parsons 1944: 180). Но ориентированный в основном на реализацию функциональных потребностей, актер блокирует таким образом выход на социальный уровень, оставаясь в рамках поляризации личности и общества.

Исходя из этого, можно согласиться с мнением Гурвича, в корне отвергающим волюнтаристское фундирование нормативно-правовых функций порядка (Gurvitch 1974в: 25). Для него «более нередуцируемые элементы, участвующие в конституировании урегулированных с помощью права процессов — суть не индивиды, а виды связей в целом и посредством целого, одним словом — формы социальности» (Ibid: 128). На основе этого, преодолевающего узость индивидуально-деятельностной точки зрения подхода, Гурвич выдвигает предпосылки целостной теории общества в рамках социологии права. Основу ее составляет гипотеза о том, что любое право в целом, в первую очередь, является социальным правом (*droit social*), которое не обязательно вырабатывается в форме «организованного права» какими-либо государственными инстанциями (Gurvitch 1932: 16). Эта гипотеза основывается на тезисе Гурвича о том, что в основе любого социального права лежит «динамическая, подверженная постоянному обновлению система», межличностный смысл которой наполняет «метапонятие» социального права (Ibid: 16). Ввиду того, что нормативные смысловые соотношения создаются всегда в рамках контекста определенной системы, социальное право в своих функциях нормативного контроля «не может никогда быть данным извне»; оно может порождаться только «имманентно» внутри этих контекстов. Оно является «всегда автономным», «внутренне присущим» системе правом (Gurvitch 1974в: 140). Функциональная связь нормативно-правового контроля и социальной системы ограничена рамками действий и операций, вызванных ею.

В тезисе о том, что право вырабатывается в рамках динамичных, а не статичных социальных единств, можно заметить следы влияния школы немецкого философа и социолога права О. фон Гирке, делавшего основной акцент на автономности права негосударственных социальных образований и вызвавшего особый интерес к своей позиции у русского коллеги (Gurvitch 1922–23). В своей работе, посвященной его творчеству, Гурвич отмечает тезис Гирке, направленный против традиции римского права, гласившего, что в случае правовых союзов и объединений речь идет о технико-правовых фикциях и социальных единствах вне рамок государства, которое лишь передает им некоторую правотворческую компетенцию (Gurvitch 1932: 484). В противовес естественно-правовым теориям договора и редукционистскому логико-аналитическому подходу к правовой

проблематике Гирке смог показать, что в основе корпоративного права лежат доступные наблюдению «социальные единства», специфическая реальность которых не исчерпывается лишь количественными показателями (Gierke 1956: 285). При рассмотрении каждого из этих социально-правовых смысловых единств, речь идет – с чем согласен и Гурвич — о сложной системе социальных контекстов, вырабатывающих правовые нормы (Ibid: 32). Несмотря на то, что подобная система свое правовое регулирование вырабатывает, в первую очередь, за счет собственной динамики, она может при этом подчиняться и внешним правовым нормам (Ibid: 21). Примером тому, по мнению Гурвича, служит тарифно-правовое регулирование трудового права между наемными рабочими и работодателями, которое не нуждается в прямом вмешательстве государства, хотя, как правило, ориентируется на выработанные на государственном уровне нормы тарифного права. То же относится к уставам и договорам негосударственных объединений и союзов, вырабатываемых на основе внутренних консенсусов и регулируемых в дальнейшем посредством внутренней переговорной деятельности.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение различных влияний на системный подход Гурвича, следует подчеркнуть его тезис о том, что на уровне социального нормативно урегулированного стандарта поведения действия акторов приобретают интегрирующее значение. Социальное право обладает «общей функцией объективной интеграции», осуществляющейся посредством того, что индивиды самими актами своей деятельности оказываются вовлеченными в создание социального контекста и, тем самым, принимают участие в процессе «созидания социального права». (Ibid: 16, 18). Взаимосвязь такого активного участия и нормативной интеграции действий может складываться по-разному. В этих целях Гурвич проводит «методологическое различие» между идеальными формами социальности в «массе», «коммуне» и «общине» (Gurvitch 1962). Эти формы характеризуются различно выраженными требованиями к действиям индивидов, социальными ожиданиями и корреспондирующими с ними типами социального принуждения с тем, чтобы, таким образом, способствовать выработке определенных, нормативно рекомендованных типов поведения в рамках адекватных ситуации ролей (Gurvitch 1974b: 141). При этом Гурвич проводит различие между перспективой участника и наблюдателя (*le double aspect interieur et exterieur*) (Gurvitch 1962: 177). С позиции участника как социальное принуждение, так и ситуативная манифестация четко обозначенных ролей находятся в обратном пропорциональном соотношении институциональному закреплению нормативных образцов действий и ролевых ожиданий. Степень выражения этих образцов и ожиданий тем слабее, чем больше существует возможностей, что поведенческие требования установлены на продолжительный период и, в то же время, в форме соответствующих ролей интернализированы индивидами и в качестве заученных стандартов способствуют протеканию социальных процессов (Gurvitch 1941: 489). И в зависимости от того, корреспондируются ли ситуативно выработанные нормативные образцы поведения с отдельными действиями, принятые в этом случае роли либо «реализуют» «ожидаемое» либо «ведут к более или менее обширным изменениям, и модификации... социальных контекстов и их структур» (Gurvitch 1968: 83).

Рассмотрим два полярных примера: массы и религиозной коммуны. Пример массы, которую Гурвич, в отличие от Ортеги-и-Гассета, характеризует как случайную, обусловленную поверхностными социальными контактами связь индивидов, показывает, что принуждение человека к приспособлению выражено наиболее сильно (Ibid: 151). В подобных системах отсутствует достаточно обобщенный и понятный кодекс поведения, дающий каждому индивиду возможность изучить стандарт соответствующих ему действий и придерживаться его в жизни. Участники переживают ситуацию, в которой они находятся, лишь поверхностно и воспринимают ее как незнакомую (Ibid: 146). Вначале они должны

сделать апробацию принятых ими на себя ролей и действий, требуемых от них. С другой стороны, малое доверие к ситуации и основанный на неопределенности реакций других повышенный риск принятия решения еще более затрудняет совершение поступков, соответствующих данной ситуации. Это манифестируется в сравнительно четких «спонтанно» вызванных механизмах «реакции» на поведение социально идентифицированное как отклоняющее (Gurvitch 1974; 1974b: 141).

С другой стороны, социальное принуждение к конформности действует тем слабее, чем сильнее общепринятые формы координации действий и в качестве адекватных деятельностных альтернатив восприняты индивидами. В социабельной форме «коммуна», примером которой может выступать религиозная община, основанная на хорошо знакомом ритуальном образце действий и на слепом следовании выработанному типу поведения, члены которой переживают свое участие так, будто бы они, так сказать, полностью поглощаются этой организацией (Gurvitch 1968: 168). Связь социально выработанного и воспринятого стандарта коммуникации, ясно дефинированных ролевых установок и традиционно проходящих актов выбора типа поведения переживается индивидуально как снятие границ между личной и социальной системами. Ситуация индивиду знакома; он чувствует единство с другими, мысли которых он, так сказать, может читать. Ввиду того, что доверие к ситуации разрушает недоверие к реакциям других, у индивида вырабатывается чувство, что он не будет подчинен неизвестной или чуждой ему социальной норме. Естественно, это имеет место лишь на «высшем уровне габитуса», в рамках социальной интеграции, т. к. «ситуация изменяется..., если вместо перспективы действительного участника принимается перспектива внешнего наблюдателя» (Ibid: 167). Тогда, считает Гурвич, можно наблюдать, что в этом случае, благодаря постоянной нормативной координации действий, как принуждение к приспособлению, так и фактическая конформность поведения выражена наиболее четко (Ibid: 168). Поскольку в рамках религиозных общин действия производятся совершенно независимо от индивидуальной оценки правовых норм и переходят в урегулированные социальные процессы, степень эмоциональности спонтанной реакции на неподчинение праву в подобных ситуациях очень высока, т. к. само право в подобных социальных единствах имеет, по преимуществу, морально-этический характер и харизматическую окраску (Gurvitch 1974b: 143). Особая степень реакций на отклонение от норм может быть при этом типичным следствием взаимных претензий индивидов на «целостность личности», которые характерны для подобного рода «живых» и «плотных» отношений (Luhmann 1994: 27). В социальных единствах, в которых участники чувствуют себя членами ориентированной на следование строгим нормам «общности», речь идет, прежде всего, о ценности такой «целостной личности». Это позволяет рассматривать отклонение индивидуального поведения от общепринятого как ролевую индифферентность, а индивид, допустивший такое отклонение, исключается из состава этого социального единства.

Литература

- Gierke O.v. Das deutsche Genossenschaftsrecht, Bd. 4, Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1956.
- Gurvitch G. Otto v. Gierke als Rechtsphilosoph // Logos. Internationale Zeitschrift fuer Philosophie und Kultur, Bd. XI (1922/23).
- Gurvitch G. Le Temps Present et l'Idée du Droit Social. Paris: Vrin, 1931.
- Gurvitch G. L'Idée du Droit Social. Paris: Sirey, 1932.
- Gurvitch G. Mass, Community, Communion // The Journal of Philosophy. 1941. Vol. 38.
- Gurvitch G. Social Control // Gurvitch G., Moore W. (Ed.) Twentieth Century Sociology. N.Y.: Philosophical Library, 1945.

- Gurvitch G. Problèmes de Sociologie Générale. Paris, 1962.
- Gurvitch G. La Vocation de la Sociologie. Paris, 1968.
- Gurvitch G. Die Grunzuege der Soziologie des Rechts. Darmstadt/Neuwied, 1974.
- Gurvitch G. Sociology of Law. London/Boston, 1974a.
- Luhmann N. Liebe als Passion. Zur Kodierung von Intimitaet. Frankfurt/Main, 1994.
- Pound R. The Scope and Purpose of Social Jurisprudence // Harvard Law 1911/1912. Review 25.
- Parsons T. General Theory of Sociology // Merton R, Broom L. (Ed.) Sociology Today. Problems and Prospects. N. Y., 1959.
- Parsons T. The Structure of Social Action. Glencoe, 1964.
- Parsons T. Action Theory and the Human Condition. N. Y., 1978.
- Parsons T. Akteur, Situation und normative Muster. Frankfurt/Main, 1994.
- Pound R. Sociology of Law // Gurvich G., Moor W. (Ed.) Twentieth Century Socjology. N.Y.: Philosophical Library, 1945.
- Pound R. The Social Control through Law. New Haven, 1968.
- Ross E.A. Social Control. Cleveland/London, 1969.
- Schelsky H. Die Soziologen und das Recht. Opladen, 1980.